

Куча бумага - 2004 -
26 авг. - 1 сент. - с. 4
620-лет.

Долгая "Ночь после выпуска"

К 20-летию со дня смерти Владимира Тендрякова

Первый мой разговор с Владимиром Федоровичем Тендряковым был телефонный. Он позвонил весной 1966 года в ЦК КПСС, где я работал заведующим сектором художественной литературы, и сказал, что не понимает причины задержки Главлитом (цензурой) рукописи его повести "Находка", снятой из выходящего номера журнала "Новый мир". К тому времени В. Тендряков был уже известным и очень популярным писателем, но лично я с ним знаком еще не был. Он говорил, что и раньше цензура придиралась к его вещам, но чтобы снимать подготовленную редколлегией повесть из номера - такого не было. В его голосе звучала такая неподдельная встревоженность происшедшим, что я пообещал ему выяснить причины конфликта. Прочитав журнальную верстку "Находки", я не мог понять, в чем тут Главлит усмотрел крамолу? Вещь великолепная по художественным качествам, вещь о пробуждении в душах людей лучших нравственных чувств - сострадания, доброты, раскаяния и нравственного очищения через перенесенные душевные страдания. Кто читал "Находку" Тендрякова, тот помнит ее. Поразмыслив, звоню начальнику Главлита СССР Павлу Романову. Объясняя, что мне не ясны мотивы снятия повести Тендрякова из выходящего номера журнала "Новый мир". Политики в повести нет, есть простые советские люди, их повседневная жизнь. В ней есть свои радости, и свои печали, и даже трагедии. За что же запрещать ее?

П. Романов отвечал, что сняли повесть потому, что в ней наша советская жизнь изображается беспримесной и безысходной, что в повести советские люди только тем и заняты, что браконьерствуют, воруют, пьют водку, бросают незаконнорожденных детей на погильель... Звери какие-то, а не люди.

— Ну что вы, — убеждал я Романова, — какие звери? Обыкновенные простые трудяги живут в глухой тайге, озабочены выполнением планов рубки леса... А девушка от отчаяния решила оставить тайно рожденного ребенка в лесной сторожке. Да ведь и автор поясняет, что живет она в деревенке старообрядцев, где царит строгая мораль, и она большие все на свете боится осуждения обществом за то, что, будучи незамужней, родила ребенка...

Его находит в лесной сторожке угрюмый и нелюдимый инспектор рыбнадзора, считающий всех окружающих его людей браконьерами и пьяницами и не прощающий им малейшего отступления от исповедуемых им правил. Найдя крохотного ребенка в сторожке, он решил во что бы то ни стало найти эту девушку и посадить ее в тюрьму. И он находит ее...

Вся суть и все таинство этого талантливого художественного произведения и заключались в том, что не преступник предстает перед глазами рыбинспектора, а полная раскаяния и горя девушка, готовая покончить с собой за свое малодушие. Она просит рыбинспектора отвести ее в милицию и пусть ее посадят в тюрьму. Так дальше она жить не может... И жаждавший покарать негодницу угрюмый инспектор переступает через

свои принципы. В его душе, может быть, впервые в жизни просыпается сострадание, и он, не обращая внимания на разные пересуды окружающих, бросается спасать несчастную, и, кажется, ему это удается. Да ведь ради этого и написана повесть! За что же запрещать ее?

Разговор о "Находке" с начальником Главлита получился трудным. Он пропускал мимо ушей все мои доводы и твердил одно: очернительство, клевета на советский образ жизни, такое печатать нельзя... Я "подъезжал" к нему с разных сторон: ну, смотрите, говорил я, каким прекрасным русским языком написана повесть — ясным, сочным, истинно народным.

— При чем тут язык? — отмахивался Романов. — Для нас главное не это. Нам важна идейная направленность повести, ее идейно-партийное содержание. А какие тут критерии? Ясно какие, — буркнул Романов. — Чтобы во славу партии, советской власти и советского человека было написано.

— Но тогда все произведения советских писателей будут похожи друг на друга, как телеграфные столбы. А как же быть тогда, к примеру, с Шолоховым? Можно ли вставить его роман "Тихий Дон" в рамки идейности и партийности?

— Да ведь и в те годы Александр Фадеев — редактор журнала "Октябрь" — отказался печатать роман, требовал крепко поправить его идейную направленность, — отрезал Романов. — Только по прямому указанию Сталина роман и опубликовали.

— Ну чего же мы будем загружать секретариат ЦК маленькой повестью, свободной от какой-либо политики?

— Вы берете на себя ответственность? — в лоб спросил меня Романов.

— По-моему, никаких оснований не печатать повесть по цензурным соображениям нет. А ответственность уже взял на себя, как и положено, главный редактор журнала "Новый мир" А. Твардовский. Я на его стороне.

Возможно, П. Романов решил в данном случае не обострять отношений с сектором художественной литературы Отдела культуры ЦК КПСС, но после нашего разговора "Находка" В. Тендрякова была подгнана цензурой в печать и вышла в свет.

Так началось мое многолетнее, до самой его безвременной кончины, знакомство с Владимиром Федоровичем Тендряковым.

Вышедшую отдельной книгой "Находку" В. Тендряков подарил мне с надписью: "Альберту Беляеву, повивальной бабке при трудных родах рождавшейся повести, с благодарностью от родителя. В. Тендряков, 16.XI.66".

А познакомились мы, я и моя жена, с Тендряковым и его супругой Натальей Григорьевной летом 1966 года во время поездки в Болгарию, на отдых в Дом творчества болгарских писателей в Варне, на берегу Черного моря. Тендрякова хорошо знали в Болгарию, его произведения много раз издавались в стране, о них писались статьи, диссертации и книги.

За неделю пребывания в Доме творчества мы о многом переговори-

ли с Тендряковым. Он был искренен и непосредствен в своих размышлениях. Многие его суждения я разделял, кое о чем спорили. Порой его оценки событий и явлений были столь резкими и прямолинейными, что я просил его нигде громко подобное не говорить. Он отмахивался: "А-а, надоело бояться".

Мое уважение и симпатии к нему укрепились, наши отношения в дальнейшем переросли в дружеские.

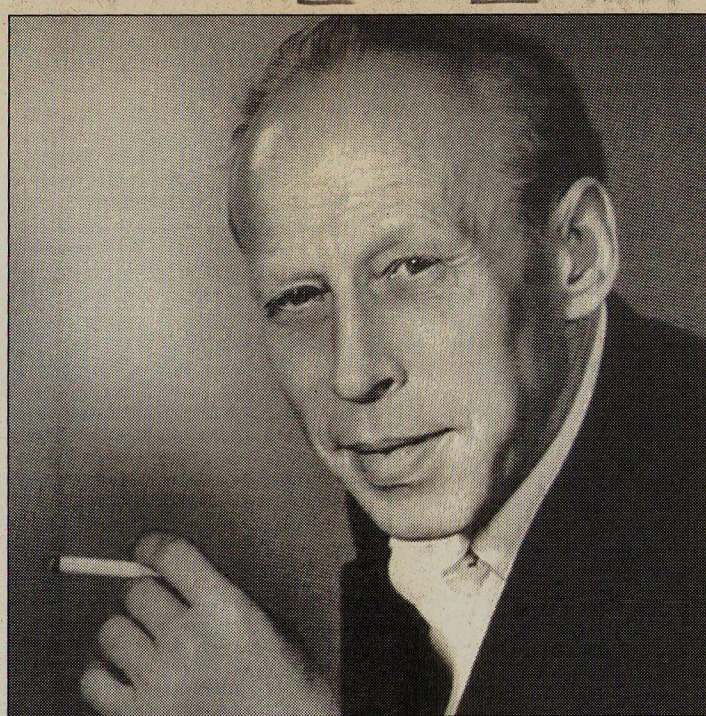
На четвертом съезде писателей СССР (1967) и на последующих пятом (1971), шестом (1976) и седьмом (1981) съездах В. Тендряков избирался членом правления Союза советских писателей. Сам Тендряков этому избранию не придавал никакого значения. Во всяком случае, на том же четвертом съезде В. Тендряков, зная, что его кандидатура будет выдвигаться для голосования в состав правления, направил в президиум съезда записку с требованием зачитать делегатам письмо А. Солженицына съезду об отмене предварительной цензуры и обсудить это письмо на съезде. Президиум съезда решил не обсуждать письмо Солженицына на съезде, а сделать это с участием Солженицына на заседании избранного съездом нового состава секретариата правления Союза писателей СССР. И позже такое заседание состоялось, но, увы, к пониманию сторон оно не привело.

В феврале 1970 года, когда секретариат правления Союза писателей СССР перестроил состав редколлегии журнала "Новый мир" и главный редактор журнала А. Твардовский в знак несогласия с этим решением подал в отставку, В. Тендряков совместно с писателями К. Симоновым, В. Кавериним, Б. Можаяевым, Ю. Нагибиным, М. Исаковским, Е. Евтушенко, А. Вознесенским (всего 14 человек) выступили с письмом в защиту А. Твардовского.

Позже, в мае 1970 года, В. Тендряков вместе с А. Твардовским ездил в Калугу в областную психиатрическую больницу, в которую насильственно был помещен ученый-биолог Жорес Медведев, и добивался вызволения ученого из психушки. И добились.

Какое-то время В. Тендряков был членом редколлегии журнала "Наш современник". Но в начале 1974 года, когда главный редактор журнала С. Видулов отказался печатать повесть В. Тендрякова "Ночь после выпуска" (уже после того, как автор доработал повесть по замечаниям редакции и самого С. Видулова, и повесть была поставлена редколлегией в очередной номер журнала), он написал С. Видулову гневное письмо и вышел из состава редколлегии.

В письме, которое В. Тендряков направил в ЦК КПСС на мое имя, он писал: "В качестве информации о своем выходе из редколлегии журнала "Наш современник" посылаю Вам копию своего письма главному редактору журнала т. Видулову. Нахожу поведение т. Видулова по отношению к себе крайне нетактичным, без нужды оскорбительным. Выяснение отношений привело только к тому, что т. Видулов заявил о решительном несходстве наших взглядов. Вполне возможно. Не считаю, что все долж-

В. Тендряков

ны думать и видеть, как думает и видит т. Видулов.

Письмо, на мой взгляд, стоит того, чтобы привести его полностью, ибо оно характеризует как его автора, так и нравы руководителей некоторых печатных органов:

"Главному редактору журнала "Наш современник" т. Видулову С. В. Редакция журнала при Вашем посредственном и активном участии в октябре прошлого года высказала по моей повести "Ночь после выпуска" ряд замечаний. И то, что Вы рассматривали на быстрое их исправление (шел разговор о каких-то двух неделях), то, что Вы планировали мою повесть на ближайший номер — № 1 за 1974 год, — говорит не о кардинальном, а частном характере этих замечаний. Тем не менее, как Вам хорошо известно, я к своей повести отнесся более строго, чем Вы, работал над ней не две недели, а четыре месяца переделал ее (имея в виду и Ваши замечания) всю от первой страницы до последней. Сдача повести совершенно случайно совпала с Вашим отсутствием, однако редакция приняла повесть, отредактировала ее вместе со мною, поставила в номер. И вот тут-то появляется Вы, решительно и бесспорно снимаете повесть на том лишь основании, что Ваши взгляды на нынешнюю молодежь не сходятся с моими взглядами.

Во-первых, позволительно спросить, почему мои взгляды на жизнь, на людей, на современные проблемы должны полностью совпадать с Вашими? Почему Ваш взгляд на ту же молодежь должен быть непременно верней, глупее, гуманней, чем мой или какого другого автора? Только потому, что Вы занимаете пост главного редактора и это сознание чисто должностного преимущество дает Вам право считать свои мнения абсолютно, непреложно, единственно верными, им обязаны подчиняться все, кто переступает порог Вашей редакции? Я этого разделить не могу.

Во-вторых, если даже на минуту допустить, что Ваше мнение на то, что лежало в основе всей повести, послужило причиной ее написания, верно, то почему раньше Вы не заявили о решительной несовместимости наших взглядов, а, напротив, говорили лишь о частичных недоработках, о локальных исправлениях? Можно ли называть такое поведение последовательным, честным, принципиальным по отношению к автору? Я так не считаю.

Наконец, третье. Не знаю, оскорбляет ли Вашу редакцию такое пренебрежительное отношение к их коллективному решению со стороны Вас — барин приехал, барин рассудил, не считаясь ни с кем, — возможно, они уже привыкли к такому поведению главного редактора, смирились с ним, считают это нормой. Я же тут вижу (простите, иных слов не подыщу) чванливое поведение маленького диктатора — что хочу, то и ворочу, ибо наделен властью, — попирающее человеческое достоинство не только меня, но и тех, с кем Вы бок о бок работаете.

Я могу ошибаться во взглядах, могу написать плохую повесть, Вы вправе не согласиться со мной, отвергнуть рукопись, но нет такой морали и таких административных прав, которые бы оправдывали тот произвол, который проявили Вы по отношению ко мне — переделай, поработай по нашим замечаниям, а когда поработаешь, тут-то я тебя и прихлопну, знай наших!

И при этом я постоянно слышал от Вас в свой адрес уверения в уважении, высокие оценки в адрес моих произведений. Более того, не я упрямил Вас, а Вы настойчиво предлагали мне стать членом редколлегии Вашего журнала, то есть быть по мере сил и возможностей в числе друзей Ваших помощников.

После того пренебрежения, какое Вы проявили ко мне, могу ли я теперь верить Вашим словам, могу ли не ждать, что в глаза Вы мне будете

говорить лестное, а делать прямо противоположное? И так ли уж нужна, наконец, Вам моя помощь?

Лично мне хотелось бы думать, что произошло досадное недоразумение, что Вы вовсе не двуличны, не спесивы и не бесчестны человек. Но для этого Вы должны открыто признаться, что поступили непорочно, а признав это, сделать и другой неизбежный шаг — принести мне свои извинения. Если этого не произойдет, если Вы и дальше будете считать себя правым, а свое поведение достойным, то мне ничего не остается, как порвать с Вами всякие отношения, потребовав, чтобы меня вывели из состава редколлегии. И я прекрасно понимаю, что у Видулова, убежденного в своей правоте и своем превосходстве, это вызовет только чувство удовлетворения.

Однако я все еще рассчитываю на наше взаимопонимание.

25 февраля 1974 года. В. Тендряков."

"Ночь после выпуска" была опубликована В. Тендряковым в другом журнале. Автору надоело преодолевать рогатки Главлита, который увидел в повести клевету на советскую систему образования, обвинил автора в искажении облика советской молодежи, которая, по мнению Главлита, предстает в повести безыдейной, беспринципной, аморальной и т. п. Главлит не давал разрешения на выпуск повести в свет. Донесение Главлита попало к секретарю ЦК КПСС по идеологии П. Демичеву. Тот вызвал меня и спросил: в чем тут дело? Знаком ли я с конфликтом в связи с повестью Тендрякова?

Я рассказал П. Демичеву историю вопроса, показал письмо Тендрякова С. Видулову, по пунктам разобрал претензии Главлита и высказался за публикацию повести. П. Демичев пообещал прочитать верстку повести.

Через несколько дней он опять вызвал меня к себе и сразу сказал: согласен с тем, что повесть надо печатать. Он отозвался о повести неожиданно тепло и, как мне показалось, вызволнено: Тендряков написал сильную и острую вещь, лично он, Демичев, думает и оценивает ситуацию в нашей советской школе так же, как автор, и при встрече он поблагодарит его за прекрасную повесть. "Оформите быстро записку в ЦК КПСС с предложением, как обычно, передать вопрос о публикации "на усмотрение редколлегии".

Через пару дней согласие секретариата было получено, и я с удовольствием передал его по телефону начальнику Главлита П. Романову. Повесть пошла в печать. Ее публикация вызвала большой интерес у читателей. В школах и педагогических вузах прошли сотни дискуссий, ее перевели на многие языки. В Дрездене поставили по этой повести спектакль. Автор был приглашен на премьеру. Вернувшись, он подарил мне рекламный плакат-афишу спектакля. На одной стороне плаката — портрет Тендрякова с кратким описанием его творческого пути, состав артистов, занятых в премьерном спектакле, а на другой — портрет обнаженной старшеклассницы, стоящей во весь рост и прикрывающей себя аттестатом зрелости и букетиком полевых цвет-

ков. Слева от ее головки напечатано (по-немецки): "Ночь после выпуска". Пьеса Владимира Тендрякова. Справа — "Городской театр Дрездена". А внизу, справа, на уровне бедер девушки, В. Тендряков написал от руки: "Превращаюсь в деву я — Вот она в раздетости! — /Срам невинный сгоря! В аттестате зрелости. /То ли еще будет! /То ли еще будет! /То ли еще будет! Ой-ей-ей!"

Иронически посмеиваясь, он говорил: "Вот видишь, как немцы завлекают зрителей на спектакль Тендрякова — голая красотка, а на обороте — мой портрет!" Он остался доволен спектаклем и тем, как радушно принимали его немцы.

Почти все повести и романы, написанные В. Тендряковым ("Свидание с Нефертити", "Кончина", "Три мешка сорной пшеницы", "Весенние перевертыши", "Шестьдесят свечей" и другие), проходили цензуру с большими сложностями.

К примеру, в повести В. Тендрякова "Апостольская командировка" Главлит увидел проповедь богословства, что было по тем временам тяжким обвинением. Хотя, в сущности, повесть была не о том.

Владимир Тендряков был, пожалуй, единственным советским писателем, который не боялся говорить в своих произведениях о религии в безбожном советском обществе. Его повести "Чудотворная", "Чрезвычайное", "Апостольская командировка" широко читались и обсуждались.

Запретительную записку Главлита по "Апостольской командировке" удалось "спустить на тормозах", получив разрешение секретариата ЦК КПСС передать вопрос о публикации повести "на усмотрение редколлегии журнала". Это было научно-просветительный атеистический журнал "Наука и религия". Выбор именно этого журнала для публикации повести во многом и определил положительное решение секретариата ЦК КПСС. Потом она многократно переиздавалась и в СССР, и за рубежом.

При жизни В. Тендряков успел издать четырехтомное собрание своих сочинений. Оно вышло в конце 1970-х прошлого века сотысячным тиражом. В эти четыре тома вошла лишь часть из написанного и напечатанного писателем. Но в те далекие годы были большие трудности с бумагой и издательства безжалостно сокращали количество, объемы и тиражи собраний сочинений советских писателей.

В августе 1984 года Владимир Тендряков сделал обычную для него утреннюю пробежку по лесу, вернулся на дачу и, разгоряченный, встал под холодный душ. И упал. Остановилось сердце. Так неожиданно закончился жизненный путь талантливейшего писателя-фронтовика, участника Великой Отечественной войны Владимира Федоровича Тендрякова.

После его смерти вдова писателя Наталья Григорьевна опубликовала около двухсот печатных листов художественных произведений В. Тендрякова, написанных им и лежавших в столе. И еще примерно столько же ждет своей очереди.

Альберт БЕЛЯЕВ